Заметка от автора

Вы, наверное, слышали старую поговорку: «Время лечит все раны». Это должно означать, что ты рано или поздно забудешь, но что, если ты не можешь. Представьте себе что обида от каждого оскорбления, боль от каждого удара, и гнев от каждой несправедливости, от которой вы когда-либо страдали, никогда не исчезнут. Это проклятие фотографической памяти.

О, но я нашел способ заставить себя забыть. Сделать так, чтобы их вообще не было. Это заняло у меня большую часть жизни, но, наконец, я буду свободен. Время действительно может залечить все раны, вам просто нужно знать, как им пользоваться.

Мигающие огни полицейских машин возле грубоватого дома собрали толпу, но, слегка растолкав толпу, я смог проложить себе путь вперед. Два детектива обыскивали старую машину, припаркованную перед домом, и их ошеломленный вид после открытия багажника, был именно тем, на что я надеялся. Когда один из них направлялся к дому, его встретил офицер, несший что-то вроде рабочих ботинок в прозрачном пластиковом пакете. Я прикрыл рот, чтобы скрыть улыбку.

«Я этого не делал! Вы ошиблись!» - многократно кричал мужской голос, как только детектив вошел внутрь. Слышались звуки падающей мебели и бьющегося стекла, когда полицейские вытаскивали человека в наручниках к входной двери. Мужчина был крупным, с широкой грудью и мускулистыми руками. Он сражался изо всех сил, пока четверо полицейских тащили его к машине. Вырвавшись на свободу, он ударил одного офицера головой, а другого ногой. Его агрессия закончилась ударом дубинки по затылку.

Я сделал что мог, чтобы удержаться от смеха. Нет, не из-за той жестокой сцены передо мной, но из-за того, что мой план так идеально сработал. Джек Фрини воспитал своего сына Стива хулиганом, хулиганом, который превратил мою жизнь в старшей школе в настоящий ад. Если убрать Джека с дороги, все изменится.

Я заметил женщину, стоящую в дверном проеме с младенцем на руках; это должен был быть Стив. Вы могли подумать, что вид ее плача заставит меня пожалеть о своих действиях, но я знал, что ей и ее ребенку так будет лучше. И мне тоже. Кратковременная грусть была небольшой платой за лучшую жизнь. Увидев все, что мне нужно, я пошел прочь. Оказавшись вне поля зрения, я коснулся интерфейса на запястье и исчез.

. . .

Я не помню своего отца. Звучит забавно для парня с фотографической памятью, но мне было четыре года, когда он ушел. Однажды я нашел его фотографию в комоде моей мамы. Он был высок, темноволос и одет в военную форму. Единственная его черта, которую я унаследовал, - это нос, который казался мне слишком большим для моего лица. На снимке он улыбался, и я представил, что если бы он остался, мы могли бы стать лучшими друзьями.

Однако он ушел. Моя мама никогда не говорила мне почему, но это не имело большого значения. Его выбор покинуть нас привел в движение все, что последовало за этим: детство, проведенное в условиях практически нищеты, жестокие отчимы и целая жизнь травмирующих воспоминаний, которые я не мог забыть. Из всех ран, которые я испытал, его уход был самым болезненным.

. . .

Издевательства, которым я подвергался со стороны Стива Фрини в старшей школе, были ужасными, но, по крайней мере, он был честен в этом. Он не притворялся моим другом, чтобы заставить меня делать его домашнее задание, только простые прямые угрозы. Не так, как с Дженнифер Грэдфорд.

Она была одной из довольно популярных девушек, которые никогда не уделяли таким парням, как я, времени. Обычно она тусовалась с другими чирлидерами или с ребятами из футбольной команды. Примерно за четыре недели до выпуска я, как обычно, ел свой ланч в одиночестве, когда услышал вопрос. «Могу я присесть здесь?»

Подняв глаза, я увидел, что она стоит там, держа поднос. Сначала я подумал, что она разговаривает с кем-то другим, но я был там один. «Конечно», - ответил я, вставая, как это делают джентльмены по телевизору. Я понятия не имел, почему я держал голову опущенной, чтобы не пялиться на нее.

«Разве ты никогда не улыбаешься?» - спросила она, нежно касаясь моей руки. «Обычно, когда я сажусь рядом с людьми, они улыбаются».

Это был первый раз, когда девушка так тронула меня, и мое тело поразило электрическим током. «Извини», - ответил я с улыбкой, как я надеялся. Единственная причина, по которой я мог предположить, что она сидит со мной, было то, что она проиграла какое-то пари.

Однако она снова присоединилась ко мне за обедом на следующий день и еще через неделю после этого. Я не возражал против того, что она в основном говорила, в конце концов, что я мог сказать кому-то вроде нее? Просто наблюдение, как она закручивает волосы и как смеется, делало меня счастливее, чем я когда-либо был. Я даже начал думать, что я ей искренне нравлюсь.

Однажды, когда она присоединилась ко мне за обедом, она выглядела расстроенной.

«Что случилось?» - спросил я, желая, чтобы у меня хватило смелости погладить ее по руке.

«Это английский», - проворчала она. «Если я не получу пятерку за нашу последнюю работу, я провалю экзамен и не закончу учебу».

Вспоминая это сейчас, я должен был предвидеть это, но все, что я увидел, это красивую девушку, которой требовалась моя помощь. «Я могу помочь тебе с этим», - предложил я.

«Ты можешь?» - воскликнула она, обнимая меня.

Если бы у меня были сомнения насчет помощи ей, они были стерты ее объятием. Запах ее волос и духов был опьяняющим. Через двадцать секунд все закончилось, и она выжидающе посмотрела на меня. «Мы можем встретиться после школы...» - начал я.

Она покачала головой. «Извини, я тренируюсь по чирлидингу после школы. Может, мы можем поработать над этим в школьной библиотеке в учебных классах?»

Мне показалось, что это нормально, поэтому я согласился. Всю следующую неделю мы работали над ее работой в каждом учебном зале. На самом деле, я работал над ее статьей, в то время как у нее всегда был повод быть где-то в другом месте. Либо это была помощь от учителя, что-то связанное с чирлидингом, либо просто необходимость что-то достать из ее шкафчика.

Когда я вручил ей заполненный листок, все, что я получил от нее, было «спасибо». За обедом она снова сидела со своими популярными друзьями, и всякий раз, когда я проходил мимо, они все смотрели на меня и смеялись. Даже такой умный парень, как я, все равно не мог понять, что хуже: постоянные мучения или короткий период счастья, за которым следует предательство. Наверное, не имеет значения, так как оба приносят боль.

. . .

Говорят, фотографическая память - это благо, но я-то знаю. Представьте себе, что вы вспоминаете каждую боль, каждое оскорбление и каждую несправедливость, которые вы когда-либо пережили. Быть вынужденным переживать их почти каждый день, поскольку какое-то случайное событие вытягивает их из глубины вашего разума. И что хуже всего, с этим ничего не поделать. По крайней мере, я так думал.

В старшей школе «Машина времени» Г. Дж. Уэллса впервые заставила меня задуматься о путешествиях во времени. Поначалу это было просто бегство от реальности, больше мечта, чем наука. Я представлял себе, как было бы чудесно вернуться в прошлое и предотвратить все плохое, что когда-либо случалось со мной. Конечно, это было выдаванием желаемого за действительное, но когда все, что вы знаете, - это страдания, вы хотите получить любое облегчение, которое сможете получить.

Идея путешествия во времени никогда не покидала меня. Я даже специализировался на теоретической физике с безумной идеей, что могу воплотить свои мечты в реальность. К сожалению, все ведущие ученые говорили одно и то же: путешествие во времени теоретически возможно, но для его достижения потребуется энергия тысячи солнц. Хотя математика это подтвердила, я не мог согласиться с их выводом. Мне казалось, что их основные представления о природе времени ошибочны, и даже идеальная математика не исправит ошибочные

предположения.

Идея моей Потоковой теории времени впервые пришла ко мне в последний год обучения в колледже. Что, если течение времени ведет себя так же, как вода, выпущенная из плотины? Пытаться вернуться назад во времени - все равно что плыть против течения. Это невозможно сделать. Однако что, если кто-то уйдет за пределы времени или, по моей аналогии, попадет на берег? Вы можете вернуться назад и вернуться во время, когда захотите.

Начав с этой простой концепции, я потратил все свободное время, которое у меня было в течение следующих пятнадцати лет, на разработку математики, лежащей в основе моей теории. Потребовалось несколько сотен страниц математики, сочетающей элементы квантовой механики, теории электромагнитного поля и релятивистской физики, но я наконец смог доказать, что мои идеи верны. Наверное, мог бы получить Нобелевскую премию, если бы опубликовал свои результаты, но у меня были другие планы.

Окончательные уравнения описывают замкнутую четырехмерную поверхность, содержимое которой не зависит от времени. Изнутри этого «пузыря времени» можно было отправиться в любую точку прошлого. Пузырь времени также защищал тех, кто находился внутри, от любых изменений, внесенных в шкалу времени.

С точки зрения непрофессионала, из временного пузыря кто-то мог убить своего деда и при этом существовать. Однако, как только пузырь времени будет деактивирован, те, кто находится внутри, станут частью новой временной шкалы. Некоторым это могло показаться пугающей перспективой, но ничто не могло помешать мне воплотить мои юношеские мечты в реальность.

. . .

Фремонт определенно не был моим первым выбором для моей первой постдокторской работы. Черт, его даже не было в списке. Я застрял там благодаря профессору Гарольду Джеймсу. Он был мелким диктатором, и его лаборанты делали всю работу, в то время как он забирал себе все заслуги. Это не редкость в академическом мире, но он был первоклассным нахлебником, который не понимал и половины того, что понимали мы.

Что ж, я совершил ошибку, потребовав соавторов для некоторых экспериментов, которые я разработал, чтобы раскрыть новую информацию о квантовой запутанности. Сказать, что все прошло не очень хорошо, было бы преуменьшением. Он выгнал меня из своего офиса.

«Мне не нравится, когда ученики говорят мне, что делать», - прорычал он, когда я повернулся, чтобы уйти. «Я позабочусь о том, чтобы ты никогда этого не забыл».

Я не воспринял его угрозу слишком серьезно. Мне оставался всего месяц до получения докторской степени, и я уже прошел собеседование на должность доцента в некоторых ведущих физических школах страны.

Затем начались электронные письма. Все школы, в которых я прошел собеседование, писали мне, что они больше не заинтересованы. Школы, в которых я еще не прошел собеседование, отменили их. Было только одно объяснение: профессор Гарольд Джеймс. Я совершенно недооценил его мстительность.

Вступление в ряд преподователей института с одной из лучших программ по физике было единственной целью моей карьеры в колледже. Ресурсы, которые у них были, помогут мне осуществить мою мечту о путешествии во времени. Поскольку моя профессиональная карьера была на кону, у меня не было выбора, кроме как извиниться. Это не помогло.

«Ты поссорился не с тем человеком, Брэндт». Он сказал мне с яростью в голосе. «Может быть, несколько лет в каком-нибудь захолустном институте научат тебя, как все работает на самом деле».

Я связывался с каждой школой и пытался дать объяснения, но они не слушали. С моими способностями я должен был поступить в Принстон, Массачусетский технологический институт или Калифорнийский технологический институт, но, благодаря злобе профессора Джеймса, меня нанял только Фремонтский университет, физический факультет которой мог только стремиться к посредственности.

То, что я застрял во Фремонте, не положило конец моей мечте, но сделало усложнило ее достижение. Вычисления, которые на современном компьютере заняли бы часы, на устаревших компьютерах Фремонта занимали недели. И чаще всего они выключались, отталкивая меня еще больше. Это стоило мне нескольких лет дополнительных усилий. Гарольду Джеймсу удалось украсть у меня самое ценное, что есть на свете: время.

. . .

Стоя в задней части небольшого зала, я одобрительно кивнул, когда гневный ропот прокатился по толпе репортеров. Все шло так, как я надеялся. Вступительное заявление Эдмунда Рида было не чем иным, как решительным осуждением того, что пресса выдвинула против него обвинения. Самодовольное выражение его лица идеально соответствовало снисходительному тону его высокого голоса.

Я на собственном горьком опыте узнал о высоком мнении Эдмунда о себе, поэтому неудивительно, что он созвал пресс-конференцию, чтобы напасть на любого, кто осмелился сказать что-либо против него. Было довольно интересно наблюдать, как он противодействует целой комнате репортеров.

Я знал, что одно только хищение, даже со стороны президента университета, не вызовет такого большого освещения, поэтому я добавил любовницу, чтобы немного оживить ситуацию. Деньги и секс для репортеров как кошачья мята, и они не разочаровали.

«…и очевидно, что обвинения против меня - это просто попытка некоторых представителей прессы опорочить мое доброе имя», - заключил Эдмунд, его голос был таким же

раздражающим, как и всегда.

Я прислонился к задней стене и ждал начала представления.

«У вас был роман с Патрисией Джексон?» рявкнул репортер.

Эти репортеры не теряли времени даром, добираясь до хороших материалов.

«Я никогда не встречал эту женщину», - парировал Эдмунд. «Все, что я знаю, это то, что она работала в финансовом отделе Фремонта».

Теперь я ничего не имел против Патрисии Джексон, но для того, чтобы мой план сработал, мне нужно было попасть в финансовую систему университета. Она допустила досадную ошибку, записав свое имя пользователя и пароль и оставив их на своем столе.

«Тогда как вы объясните, что за последние пять лет она перевела на банковский счет на ваше имя более 400 000 долларов университетских средств?» крикнул другой репортер.

Эдмунд впился в нее взглядом. «Этот счет не мой и был открыт без моего ведома».

«Но на чеках с этого счета стоит ваша подпись», - возразила она.

«Очевидно, это подделка», - ответил он явно ошеломленный.

Я отдаю должное Эдмунду, он был прав по обоим пунктам, но он никогда не смог бы это доказать. С водительскими правами и номером социального страхования открыть счет было довольно просто. Подпись? Фотографическая память может быть проклятием, но она также делает вас идеальным фальсификатором. Я увидел его подпись только один раз, и даже владелец не заметит разницу.

Другой репортер крикнул: «А как насчет квартиры?»

Я мог сказать, что давление начало влиять на Эдмунда, когда он начал дергать себя за воротник. «Я не снимал эту квартиру и никогда там не был».

«Полиция нашла там некоторые из ваших личных вещей и вещей мисс Джонсон», - крикнул еще один репортер. «Как вы можете ожидать, что мы поверим, что вас там никогда не было?»

Я улыбнулся про себя. Пара поездок в дома Эдмунда и Патрисии дала все необходимое, чтобы придать квартире надлежащий облик. Я должен признать, что было несколько неловко покупать пеньюары, но они были нужны, чтобы показать, что квартира предназначена не

только для сна.

В ярком свете голова Эдмунда блестела от пота. Его самодовольство исчезло, он опустил глаза, когда репортеры продолжали кричать ему вопросы.

«А как насчет квитанций на ювелирные изделия?»

«Когда вы в последний раз разговаривали с Патрисией Джексон?»

«Как ваша семья отреагировала на обвинения?»

«Вы уйдете в отставку?»

Эдмунд поднял голову. «Но я не сделал ничего плохого», - ответил он низким жалким голосом.

«Не им», - пробормотал я, выскользнув из задней части здания. Активировав интерфейс на запястье, я исчез.

. . .

И снова меня разбудили крики моей матери и отчима. Как обычно, он приходил домой пьяный, и моя мама выражала недовольство. Еще в восемь лет я устал от постоянных споров. В конце концов, с двумя моими предыдущими отчимами все было так же. К сожалению, этот добавил кое-что новенькое: насилие. Я знал, что он ударил ее, когда крик сменился хныканьем.

Я подкрался к двери своей спальни и выглянул наружу, увидев плачущую мать на полу. Глядя на меня, закричал отчим. «Иди сюда, мальчик».

Я подошел и встал перед ним, дрожа. Посмотрев на мою мать, я увидел ее опухшее лицо, залитое слезами.

«Оставь Пола в покое, Нил», - умоляла она, глядя на моего отчима.

«Да ладно, Филлис, - ответил он, снимая пояс, - ты же знаешь, что мальчику уже давно пора спать». Сложив ремень пополам, он хлопнул им по руке. «Ты знаешь, что это означает, что он должен быть дисциплинирован».

Как и во всем остальном, я никогда не забуду боль тех резких ударов от пояса или его кулаков, которые я перенес в течение двух лет, когда он был женат на моей матери. Детям никогда не нужно учиться желать кому-то смерти.

. . .

Стоять в коридоре моей старой средней школы было нереально. Я в подростковом возрасте бросился по коридору, опустив голову, сжимая охапку книг. Буквально через пару минут Стив Фрини собирался подставить мне ногу. Я до сих пор помнил боль от синяков. Однако я был здесь не для этого.

Одетый в форму уборщика, я медленно протер окно, ожидая, пока Дженнифер Грэдфорд откроет свой шкафчик. Я улыбнулся про себя, когда проходящие студенты полностью игнорировали меня. Я хорошо подобрал маскировку. По взрыву смеха в холле я понял, что просто упал на пол, и книги разлетелись повсюду.

Я боролся с желанием броситься туда и преподать Стиву урок. Единственным утешением для меня было то, что со временем уйдут воспоминания обо всех унижениях, которые я перенес от его рук. В любом случае, я знал, что Дженнифер скоро будет у своего шкафчика, поскольку она была среди тех, кто смеялся над моим несчастьем.

Пара других чирлидеров была с ней, когда она открыла шкафчик и прочитала напечатанную записку, которую я ей оставил. Там было написано: «Дженнифер, ты такая красивая. Как я люблю просто смотреть на тебя».

Она хихикала, читая ее и показывала друзьям, которые разделяли ее реакцию. Скомкав записку, она бросила ее на землю. Когда она ушла, я послушно поднял ее и бросил в мусорное ведро. Ее реакция была именно такой, как я ожидал. Однако вскоре это изменится. Когда коридор был пуст, я слегка прикоснулся к интерфейсу на запястье и исчез.

В течение следующих двух недель, хорошо прошедших для Дженнифер, в ее шкафчике появилось больше записок, каждая темнее предыдущей.

«Ты слишком хороша для других парней. Я могу дать тебе все, что ты хочешь».

«Почему ты продолжаешь причинять мне боль? Я хочу только лучшего для тебя».

«Я не оставлю тебя! Мы с тобой будем вместе всегда».

«Мне очень нравится твоя спальня. Почему ты обклеиваешь стены фотографиями других парней?»

Часть меня сожалела о том, что пришлось сделать это, но у меня не было выбора. Она научилась использовать свою красоту, чтобы извлекать выгоду из людей, и ей нужно было испытать боль, которую это могло причинить.

Записка о ее спальне, казалось, действительно дошла до нее. «Это что, шутка?» - воскликнула

она, показывая записку одному из своих друзей.

Видя ее реакцию, я понял, что пришло время для последней ноты.

Получить бумажник Тома Бернса было очень просто. Зайдите в раздевалку и используйте главный ключ от шкафчика, который я позаимствовал в кабинете уборщика. Я рад, что никогда никому не рассказывал о своем пузыре времени. Менее щепетильный человек мог бы использовать его, чтобы стать величайшим вором в истории.

На самом деле я ничего не имел против Тома Бернса. Он никогда ничего мне не делал. Черт возьми, я сомневался, что он вообще знал, что я существую. Однако для моего плана мне понадобился его кошелек. Я был почти уверен, что он так или иначе получит его обратно.

«Видеть, как ты спишь, Дженнифер - величайшее волнение в моей жизни», - написал я, радуясь, что это была последняя неряшливая записка, которую мне пришлось написать.

Держа записку и бумажник, я прикоснулся к интерфейсу на запястье. Я замер от страха, когда появился в спальне Дженнифер, наполовину ожидая пронзительного крика, но единственным звуком было тихое сопение. Света от уличного фонаря было достаточно, чтобы видеть. Осторожно подойдя к кровати, я положил записку у ее головы. Бумажник, который я положил на пол возле окна, где, я был уверен, она его найдет. Волна облегчения охватила меня, когда я нажал кнопку возврата и исчез.

Колеса тележки для уборки, которую я медленно толкал по коридору, визжали, но никто не обращал на них внимания. Остановившись недалеко от шкафчика Тома Бернса, я наблюдал, пока отмывал пятно на полу. Повернувшись от шкафчика, он был встречен Дженнифер жестким ударом по лицу. Приходилось восхищаться ее самообладанием.

«Дурак!» воскликнула она. «Ты хорошо посмеялся, терроризируя меня?»

В коридоре стало тихо, и все взгляды обратились на них.

Потирая ушибленную щеку, Том сердито уставился на нее: «О чем ты говоришь? Я ничего тебе не сделал».

«О, да!» - закричала она, вытащив записки из сумочки и сунув их ему в лицо, - «А как ты назовешь это?»

Он оттолкнул ее: «Ты сумасшедшая!»

«Не трогай меня!» - закричала она, поднимая руку, чтобы снова дать ему пощечину.

Толпа студентов разошлась в стороны, когда мистер Хэнли, директор школы, пробивался вперед. Надеясь на большее шоу, я был разочарован быстрым прибытием директора.

«Что тут происходит?» - сердито спросил он.

Том отступил, указывая на Дженнифер, «Нна напала на меня».

«Потому что он присылает мне эти отвратительные записки», - кричала Дженнифер, размахивая записками, которые я прислал.

«Она сумасшедшая», - прервал Том. «Я никогда не отправлял ей никаких записок».

Я чуть не рассмеялся вслух, но подавил смех, чтобы не выдать себя.

Мистер Хэнли взглянул на записи. «Они все напечатаны. Откуда вы знаете, что Том их написал?»

«Потому что сегодня утром я нашла это в своей спальне».

«Откуда у тебя мой кошелек?» воскликнул Том.

«Признайся, Том», - со смехом ответила она. «Твоя дурацкая шутка окончена».

«Это ничего не доказывает», - парировал Том. «Кто-то забрал мой кошелек вчера, когда я был на футбольной тренировке. Спросите тренера, он помогал мне его искать».

Мистер Хэнли с раздражением посмотрел на них и пошел прочь. «Вы двое пойдете со мной, и мы посмотрим, что тренер Скотт скажет по этому поводу».

Когда директор ушел, Том повернулся к Дженнифер и заговорил сердитым шепотом. «Я знаю, что ты пытаешься доставить мне неприятности. Что ж, ты связалась не с тем парнем, Дженнифер. К тому времени, когда я закончу, у тебя не останется ни одного друга в этой школе».

Я слышал достаточно, чтобы знать, что мой план имел оглушительный успех. Я проскользнул в пустой шкаф и активировал интерфейс на запястье.

Подняв крышку мусорного контейнера, я осмотрел столовую через неделю. Там сидел я в одиночестве за своим обычным столом, опустив глаза, пока ел свой скудный обед. Однако вид за несколькими столиками заставил меня улыбнуться. Дженнифер сидела одна, перебирая еду в своей тарелке. Время от времени она бросала взгляд на стол своих бывших друзей, которые

смеялись и шутили без нее. Я был слишком далеко, чтобы быть уверенным, но я подумал, что она, возможно, раз или два пустила слезу.

Я должен признать, что чувствовал себя немного виноватым из-за того, что сделал. В конце концов, я не монстр. К сожалению, это был единственный способ предотвратить боль, которую она в конечном итоге причинила мне. В конце концов, эта новая реальность, вероятно, в любом случае будет лучше для нее. Ускользнув из виду, я нажал на запястье.

. . .

Раздался громкий звуковой сигнал, и запах выхлопных газов и сгоревшего масла разнесся по складу, когда восемнадцатиколесный автомобиль медленно начал сдавать назад. Я ждал этого момента годами: мой пузырь времени наконец стал реальностью. Массивное банковское хранилище сияло под потолочными светильниками, и мне пришлось заставить себя не броситься к нему.

Долгий и утомительный процесс использования подъемного крана для опускания хранилища на пол чуть не свел меня с ума. Всякий раз, когда казалось, что они добиваются какого-то прогресса, кто-то кричал, чтобы они остановились, и проходило еще пятнадцать минут, прежде чем хранилище снова начинало двигаться. Разве эти люди не знали, как делать свою работу?

Стук закрывающихся за грузовиком дверей склада почти не улавливался, когда я смотрел на свою новую покупку. Убежище было недешево, но это было единственное, что я смог найти, способное противостоять электромагнитным полям высокой энергии, необходимым для создания временного пузыря.

Взяв фонарик, я распахнул тяжелую дверь и прыгнул внутрь. Ощущение гладкой холодной стали, когда я коснулся стены, наэлектризовало меня. В следующие десять лет будет намного больше поставок, но именно эта убедила меня в том, что мой пузырь времени когда-нибудь станет реальностью.

Холодно зимой и душно летом, я возненавидел склад, но он давал мне то, в чем я нуждался больше всего: пространство и уединение. Хранилище, промышленные генераторы, компьютеры и проводка покрывали большую часть пола склада. Моя мастерская и жилые помещения занимали то немногое, что оставалось.

Склад стал моей добровольной тюрьмой, но я не возражал. Все необходимое было заказано онлайн или по телефону. Платите достаточно, и вы можете получить все, что угодно, без вопросов. Я был параноиком? Едва ли. Слишком большая часть моей работы уже была украдена, и я не собирался позволять этому случиться с моей самой важной работой из всех.

Со временем проводка из каждого угла склада собралась в толстый жгут наверху хранилища. Оттуда провода спускались к длинным металлическим полоскам, покрывающим его стороны и спину, придавая ему вид главного узла борца сумо. Интерьер хранилища был преобразован с добавлением пульта управления и ряда компьютеров.

По мере того, как временной пузырь приближался к завершению, оставалось сконструировать последний компонент: интерфейс для запястья. Будучи очень похожим на часы большого размера, он был тем, что позволяло мне перемещаться в любом месте во временном потоке после активации временного пузыря. Просто прикосновение к его сенсорному экрану перенесет меня куда угодно и когда угодно.

Есть ли способ описать чувство исполнения мечты всей жизни? Я не думаю, что слова могут передать это чувство. Три генератора громко гудели и заставляли грохотать пол под моими ногами, пока сладкий запах озона наполнял воздух. Я проверил все экраны компьютера, и все работало, как ожидалось.

Было бы неплохо провести полный тест системы, прежде чем фактически использовать временной пузырь, но я слишком долго ждал. Если что-то пойдет не так, по крайней мере, мне не придется мириться со своей неудачей.

Забравшись внутрь хранилища, я закрыл за собой тяжелую дверь и повернул колесо, чтобы запереть ее. Присев, я просмотрел экран состояния консоли, на котором все было зеленым.

Мое сердце переполнилось волнением, когда я набрал «Запустить последовательности 0001» и нажал клавишу Enter. Хранилище наполнилось громким гудением, и я почувствовал, что мои волосы встают дыбом. Через минуту гудение стихло, и мои волосы стали нормальными. На экране консоли было написано: «Установлен пузырь стабильного времени». Я сделал это.

. . .

Звук щелкающих мышек и лязгающих клавиш заполнил небольшой компьютерный центр библиотеки. Печатая на давно устаревшем компьютере, я не мог не чувствовать себя счастливым. В детстве библиотеки были моим спасением от домашней суматохи и издевательств в школе. А теперь это было средством получения заслуженной справедливости.

Мой план стереть из моих воспоминаний то, что сделал со мной Гарольд Джеймс, был на самом деле довольно прост. Я читал все статьи, которые он опубликовал за три года до того, как я начал работать на него, и теперь выкладывал каждую из них в Интернет за несколько месяцев до того, как он отправил их для публикации. О, не дословно, но достаточно близко, чтобы стандартные алгоритмы поиска плагиата могли их найти.

Так начался мой грандиозный тур по библиотеке. Путешествуя за эти три года, я посетил библиотеки по всей стране и использовал их общедоступные компьютеры, чтобы выложить работы Гарольда Джеймса в Интернет еще до того, как он их написал. Как бы я хотел быть там и наблюдать, как профессор Джеймс потеет, когда он пытается отрицать обвинения в плагиате.

К сожалению, этого не произошло. Университеты предпочитают замалчивать подобные вещи. Не будет никаких публичных слушаний или пресс-релизов, будет только собрание за закрытыми дверями, на котором профессор Джеймс будет вынужден уйти на пенсию, разумеется, с полными льготами. Конечно, мне бы хотелось увидеть его публично униженным,

но достаточно было бы избавиться от него до того, как я начну свою докторскую программу.

Дул теплый ветерок и палящее солнце светило мне в лицо, когда я появился в своем старом кампусе колледжа за год до того, как туда отправился более молодой я. Я почувствовал волну предвкушения, когда направился в кабинет профессора Джеймса. Это было совсем другое чувство, чем в прошлый раз, когда я путешествовал. Постучав в дверь, я улыбнулся про себя, когда раздался женский голос: «Входите».

За столом сидела женщина средних лет со слегка седеющими волосами. Я произнес извиняющимся тоном. «Простите, но я ищу профессора Джеймса».

Сначала она казалась сбитой с толку, но вскоре понимание появилось на ее лице. «Вы имеете в виду профессора Гарольда Джеймса?»

«Да.»

«Он ушел на пенсию несколько месяцев назад. Чем могу помочь?»

Я был разочарован небрежным характером ее ответа. Хотя я знал, что это маловероятно, я надеялся, что в его уходе будет какой-то намек на скандал.

«К сожалению, нет, я надеялся поговорить с профессором Джеймсом. Спасибо за ваше время».

Мой план удался, но достижение казалось пустым. Я уверен, что отставка вполне устраивала Гарольда Джеймса, так как он все равно ничего не делал. Человек, который украл годы моей жизни, похоже, ушел безнаказанно. Я нажал кнопку возврата.

. . .

Я устало уставился на груду неотсортированных тестов, лежащих на моем столе. Вы могли подумать, что у меня будет помощник, который позаботится о таких рутинных задачах, но в университете утверждали, что для моих классов такой возможности нет.

Я часто получал такие ответы. Как и мой офис. Это было так с тех пор, как я поступил в Фремонтский университет в качестве доцента. У большинства штатных профессоров был шикарный кабинет с секретарем, но я все еще застрял в тесном кабинете без окон, в котором было либо слишком жарко, либо слишком холодно.

Конечно, я знал, кто виноват: Эдмунд Рид, президент университета. У него была докторская степень по физике, но со временем он стал больше бюрократом, чем физиком, даже если не признавал этого. Я совершил ошибку, исправив его однажды, когда он говорил о квантовой запутанности субатомных частиц, о чем-то явно вне его понимания. С тех пор он мелко мстил мне. Однако, подав свои патентные заявки, я скоро избавился бы от него.

Вздохнув, я принялся за работу по оценке тестов из моего курса «Введение в относительность». Да, Эдмунд тоже был виноват в этом. Однако я знал одно: как только Эдмунд узнал о моих патентах, он прибежал в мой подвальный офис, чтобы попытаться вытащить из меня часть доходов. Отличный шанс. Единственная причина, по которой я вообще потрудился над разработкой новых технологий, заключалась в том, чтобы профинансировать развитие моего пузыря времени. Я документировал все, что делал, чтобы Фремонт не получил ни цента. На этот раз я одержал верх.

Услышав стук в дверь, я проигнорировал его, продолжая оценивание. После еще нескольких ударов дверь распахнулась, ударившись о картотечный шкаф. Бросив взгляд, я сразу узнал невысокого лысеющего человека с его вездесущим хмурым взглядом.

«Я сейчас очень занят, Эдмунд», - заявил я, продолжая оценивать. «Придется оценить все эти тесты, поскольку университет не счел нужным предоставить мне помощника».

«Что ж, Пол, - ответил он своим раздражающим высоким голосом, - бюджеты ограничены, и те, кого мы можем себе позволить, назначаются в зависимости от стажа работы. Ты имеешь самый низкий стаж работы».

Я хотел ответить «спасибо», но оставил комментарий при себе. Я взглянул на него и указал на стул. «Что ты хочешь?»

Он остался стоять. «Я слышал интересный слух, Пол».

Я не стал поднимать глаза. «Да, какой?» - спросил я безразличным тоном.

«Кажется, ты подал заявку на несколько патентов».

Отвечая, я оценил еще несколько вопросов. «Я работаю над некоторыми проектами в свободное время».

«Нужно ли мне напоминать тебе, - самодовольно ответил он, - что в твоем контракте с университетом указано, что любые патенты, которые ты регистрируешь, становятся собственностью университета?»

Положив ручку, я посмотрел вверх. «Я хорошо знаю, о чем говорится в моем контракте». Я пристально посмотрел на него. «Похоже, ты забыл, что этот пункт применим только к работе, выполняемой с использованием университетских ресурсов во время учебы в университете. Вся моя работа выполнялась дома с использованием моего собственного оборудования. Кроме того, у меня есть документация, подтверждающая это».

«Понятно», - ответил он. Он был намного спокойнее, чем я ожидал. «Поскольку у нас, кажется, есть два разных толкования контракта, мы должны позволить суду принять решение».

«У тебя нет возможности выиграть», - уверенно ответил я.

«Возможно, нет», - ответил он с тонкой улыбкой, - «но университет должен защищать свои интеллектуальные права. В конце концов, мы должны платить юристам весьма много, вне зависимости от того, подаем ли мы в суд или нет».

Подойдя к двери, он остановился и снова посмотрел на меня. «К тому же такие дела могут длиться годами. Так что, даже если бы ты выиграл, твои патенты были бы бесполезны».

Я посмотрел на свой стол. Я был уверен, что на этот раз выиграю. Но снова мою работу украли, и я ничего не мог с этим поделать. Я нуждался в доходах от этих патентов для финансирования своей работы, и я не хотел терять драгоценное время. «Сколько ты хочешь?» - наконец спросил я подавленным тоном.

Он победно улыбнулся: «Я думаю, что пожертвование сорока процентов дохода от патентов университету было бы подходящим жестом с твоей стороны».

Я просто кивнул.

«Я оформлю документы», - заявил он перед отъездом.

И вот так Эдмунд снова одолел меня.

Получение патентов оказалось прибыльным, намного превосходящим мои самые смелые ожидания. Даже после вымогательства 40% прибыли со стороны университета, денег оставалось достаточно, чтобы наконец начать строить свой пузырь времени. Мое заявление об увольнении было коротким и конкретным: «Я ухожу!»

Было приятно передать его Эдмунду Риду. Хотел бы я забыть самодовольное выражение его лица, когда он сунул его в стол.

. . .

Когда я появился, меня охватил зловонный запах мочи и рвоты. Неудивительно, что он оказался в таком месте.

Дверь ванной открылась, и вошел человек, которого я ненавидел больше, чем кого-либо другого. Пройдет еще четыре года, прежде чем он встретит мою мать, но выглядел он в точности так, как я помнил. Подумал, что и в нем ничего не изменилось.

«Привет, Нил», - объявил я низким угрожающим голосом.

Он посмотрел на меня налитыми кровью глазами. «Я тебя знаю?» он невнятно пробормотал.

Я пристально посмотрел на него. «Нет, но я знаю, кто ты. Я слышал, ты любишь избивать женщин и детей. Как насчет людей твоего роста?»

Его лицо побледнело от моих слов. Когда я пошел к нему, он попятился и нащупал за собой дверь. К тому времени, как я сделал два шага, он уже сбежал. Всегда знал, что он трус.

Приятно было видеть ужас на лице отчима. Он определенно дал моей матери и мне больше, чем мы должны были отдать, и я не сомневался, что любая женщина, на которой он женился, пострадает так же, как моя мать. Я собирался убедиться, что этого никогда не случится.

Я коснулся интерфейса на запястье и появился за пределами бара, я присел за машиной и стал ждать. По дороге из бара Нил несколько раз падал, глядя через плечо. Даже когда он пытался открыть дверь своей машины, он продолжал смотреть в сторону бара с прекрасным выражением страха на лице. Оказавшись в машине, он с ревом вылетел со стоянки, едва не сбив пешехода.

Я подождал, пока он не окажется в паре кварталов от меня, прежде чем использовать интерфейс на запястье. Мысль о том, чтобы оказаться на заднем сиденье его машины, была довольно заманчивой, но даже у моего пузыря времени есть свои пределы. Вместо этого я появился примерно в двадцати футах от его машины. Мои глаза слезились, когда я смотрел прямо в его фары. Я не знал, видел ли он меня, пока я не услышал обороты двигателя.

Даже зная, что я не был в реальной жизни гнев не перевешивал ужас, который я чувствовал, когда смотрел, как машина движется ко мне. Держа палец над интерфейсом на запястье, все, что я мог, это удерживать его неподвижно, пока машина не оказалась в пяти футах от меня. Оказавшись на том же месте через пятнадцать секунд, я услышал скрип тормозов.

Обернувшись, я увидел неподалеку машину с открытой водительской дверью. Нил цеплялся за открытую дверь, его глаза расширились от страха. Не говоря ни слова, я пошел к нему. Он отшатнулся и упал на землю. В отчаянии он заполз обратно в машину, ускользнув еще до того, как закрыл дверь. Мне оставалось одно дело. Я коснулся интерфейса на запястье.

Его квартира была свалкой. Опять же, я не был удивлен. Моя мать проводила большую часть своего времени, убирая за ним. Грязная одежда покрывала большую часть мебели с пустыми пивными банками и замороженными пакетами с обедом, разбросанными по полу. Единственное, что было хорошо в квартире, это то, что она находилась на четвертом этаже, что было как раз достаточно высоко.

Я ждал его в спальне, спиной к плохо построенному окну. Вскоре я услышал, как открылась дверь квартиры и тяжелое дыхание, когда он вошел в спальню.

Остановившись в дверном проеме, он уставился на меня и задрожал.

«Ты убежал, прежде чем я успел закончить», - усмехнулся я. «Просто хотел, чтобы ты знал, что люди попадают в тюрьму за то, что ты сделал». Я не мог не ухмыльнуться, добавив: «А ты знаешь, что происходит в тюрьме с парнями, которые возятся с детьми, не так ли, Нил?»

Прикинул, что последнее заявление сделает это. «Я убью тебя!» - закричал Нил, бросаясь ко мне с протянутыми руками. Дождавшись, пока он окажется всего в нескольких дюймах от меня, я коснулся интерфейса на запястье и снова появился позади него.

За звуком бьющегося стекла последовал ужасающий крик. Выглянув в разбитое окно, я увидел, как Нил разбился о тротуар и лежал неподвижно.

С улыбкой я вытер руки и ткнул в интерфейс на запястье.

. . .

Моя первая встреча со Стивом Фрини произошла в январе первого года обучения в средней школе. Это был крупный мальчик, который был на голову выше всех остальных. Несмотря на то, что он перешел в нашу школу всего несколько недель назад, все уже знали, что он не из тех, кому можно переходить дорогу. Я ехал из школы домой, когда он вышел из переулка передо мной. Я стоял, окаменев.

«Эйнштейн», - усмехнулся он, схватив меня за куртку и потянув в переулок. Прижав меня к стене, он продолжил: «Я слышал, ты довольно умный. Это правда?»

Когда я не ответил, он бросил меня на землю. «Я задал тебе вопрос, Эйнштейн!»

«Да», - крикнул я дрожащим голосом.

«Так-то лучше», - ответил он, взяв меня за руку. «Я позволяю только умным людям делать мою домашнюю работу за меня».

«Что?» - спросил я прежде, чем смог остановиться. Он толкнул меня спиной к стене и прижал руку к моей шее.

«Это очень просто», - засмеялся он. «Я даю тебе домашнее задание, а ты пишешь все ответы. Затем я копирую их и сдаю».

Он сильнее прижал руку к моей шее. «Понятно?»

Не сумев произнести ни слова, я кивнул.

Отпустив меня, он вытащил из пиджака несколько листов бумаги. «Встретимся здесь завтра перед школой и твоими ответами к этому», - резко потребовал он. «И всем ответам лучше быть правильными, - добавил он, - иначе ты не будешь в состоянии делать чью-либо домашнюю работу».

Так было в средней школе. Любую школьную работу, которая не была сделана в классе, я выполнял за него. Я видел, что случилось с другими детьми, которые рассказывали учителям об издевательствах. Учителя могут защитить вас только в школе, давая хулиганам широкие возможности для мести. Не все было так плохо. Стив не давал меня беспокоить другим хулигананам. Я думаю, что даже хулигана можно запугать.

Я встречался с его отцом только один раз, но и этого было достаточно. Стив был болен, поэтому мне пришлось принести домашнее задание, которое я сделал для него, к нему домой. Это было в захудалой части города с заколоченными домами и пустыми участками. Почти скучал по своему дому, так как он не сильно отличался от заброшенных.

Дверной звонок не работал, поэтому я постучал в дверь. Когда через несколько минут никто не ответил, я снова постучал. На этот раз крупный, толстый мужчина, одетый только в спортивные штаны, открыл дверь и зарычал на меня. «Что надо?» От него пахло алкоголем и потом. Мне потребовалось время, чтобы преодолеть страх.

«Я принес Стиву его домашнее задание», - наконец пробормотал я.

«Стив», - проревел мужчина, прежде чем отойти и плюхнуться на диван.

Мой мучитель вышел из задней спальни. Я подумал, что рядом с его отцом там он не будет таким злым, но я ошибался. «Ты принес мою домашнюю работу, Эйнштейн?» он потребовал.

«Прямо здесь», - ответил я, протягивая ему несколько листов бумаги.

«На этот раз лучше ей быть правильной, или я тебя стукну», - ответил он, схватив меня за воротник и притянув к себе.

«Это так, - взмолился я.

«Хорошо», - засмеялся он, толкнув меня и захлопнув дверь.

Я просто стоял и пытался понять, как Стиву могло сойти с рук такое поведение перед его отцом.

Сквозь тонкие стены дома я услышал крик мужчины. «Хэй, Стиви. Этот ребенок делает твое домашнее задание?»

«Ага».

Раздался резкий смех. «Моя школа. Не смог бы закончить среднюю школу без Фреда ... Боба ... или как там того парня звали».

Уходя, я ненавидел еще одного человека.

. . .

Часть меня всегда задавалась вопросом, почему мой отец бросил нас. Я даже дошел до того, что нанял детектива, чтобы он его выследил, но ничего не сделал с этой информацией. О, я мог бы нанести ему визит и услышать его версию истории, но что хорошего в этом? Из-за него моими единственными воспоминаниями детства были бедность и вереница плохих отчимов.

Оказывается, мой отец хорошо себя чувствовал. Он получил хорошую работу, женился повторно и даже завел еще несколько детей. Жаль, что их не будет, когда я закончу. С другой стороны, что касается моего отца, меня тоже никогда бы не существовало.

Моя мать уже была беременна мной, когда моего отца отправили в Афганистан. Его армейское подразделение было одним из многих, которые патрулировали коварные горные районы в поисках укрытий талибов. Было бы легко сделать его смерть похожей на сражение.

Жестоко? Может быть, но это был единственный выход. Если мой отец погибнет в бою, моя мать будет иметь право на военное пособие, которое покроет все наши нужды. Ей не пришлось бы выходить замуж за одного неудачника за другим из-за отчаянной нужды в деньгах. Кроме того, после того, что сделал мой отец, он это заслужил.

Когда я появился на небольшом утесе, меня пронзил холодный ветер. Отложив винтовку, я сел на землю и стал смотреть на долину внизу. Я знал, где будет отряд моего отца, с тех пор, как зашел в армейский лагерь, чтобы взять винтовку и просмотреть журналы патрулирования.

Когда патруль появился в поле зрения, я снял винтовку с предохранителя и приставил к глазу прицел. Когда люди подошли ближе, я поставил палец на спусковой крючок и внимательно изучил каждого. Наконец-то я увидел выпуклый нос моего отца, единственную его черту, которую я унаследовал. Я нажал на курок.

. . .

Изо всех сил пытаясь отдышаться, я лежал на полу хранилища, дрожа. В меня никогда раньше не стреляли, и я никогда больше не хотел этого переживать. Это было все, что я мог сделать, чтобы протянуть руку и активировать интерфейс на запястье.

Это заняло некоторое время, но, наконец, я смог заползти на консоль. Откинувшись назад, я

закрыл глаза и не мог не улыбнуться. Несмотря на мой просчет относительно того, как быстро отряд моего отца ответит огнем, я сделал то, что мне нужно. Он был последним.

Я имел дело с людьми, которые причинили мне наибольшую боль, и скоро их действия навсегда исчезнут из моих воспоминаний. Я сел за консоль и набрал код деактивации временного пузыря.

Я знал, что буду интегрироваться с новой шкалой времени, когда отключил временной пузырь. Однако у меня не было возможности узнать, какой будет моя жизнь и буду ли я жив. Единственное, что я знал, это то, что все эти ужасные воспоминания исчезнут. Когда я потянулся к клавише ввода, я начал задаваться вопросом, как бы все было, если бы я остался в пузыре времени.

Я представил себе обсуждение тонкостей теории относительности с Эйнштейном или обмен идеями квантовой физики с Гейзенбергом. Я мог видеть Рим на пике его славы, наблюдать, как Ньютон проводит свои величайшие эксперименты, или даже быть среди публики в Театре Форда. Когда у меня под рукой вся история, возможности были безграничны.

Я закрыл глаза и попытался выбросить эти мысли из головы. Забыть свое прошлое - это все, чего я когда-либо хотел, и все, что мне нужно было сделать, это отключить пузырь времени, и я буду свободен. Черт, я даже убил своего отца, чтобы это стало возможным.

Все, кто причинил мне боль, получили по заслугам. Неужели имело значение то, что я все еще помнил, что они сделали? Пока я сидел там, поток воспоминаний, только плохих, ударил в меня. Я посмотрел на интерфейс на запястье с грустной улыбкой. Это имело значение. Трясущейся рукой я протянул руку и нажал клавишу ввода.

http://tl.rulate.ru/book/66997/1781274